

несомнѣнно и то, что этотъ недостатокъ поэта вредить, по временамъ, его поэзіи; но справедливо ли объяснять его только „буржуазными“ чертами въ натурѣ В. Гюго? Шмедингъ ближе къ истинѣ, когда напоминаетъ обстоятельства, вскружившія голову поэта. „Еще мальчикомъ получать награды, предназначенныя для взрослыхъ, воспринять изъ рукъ Шатобріана титулъ *enfant sublime*, пережить, затѣмъ, цѣлый рядъ безпримѣрныхъ и непрерывныхъ триумфовъ, торжествовать даже послѣ кажущихся поражений, подняться, наконецъ, на высоту, которой достигаютъ развѣ государи, и все-таки остаться скромнымъ—это черезъ-чуръ трудно; подобный подвигъ слишкомъ рѣдко удается даже самымъ великимъ людямъ. Если Гюго не принадлежитъ, съ этой точки зрѣнія, къ числу исключеній, то здѣсь нѣтъ ничего непонятнаго—а что понятно, то, по французской поговоркѣ (*comprendre, c'est pardonner*), и простибельно“... Фагэ приписываетъ метаморфозы, черезъ которыя прошелъ образъ мыслей В. Гюго, поверхностности его взглядовъ и податливости чужимъ вліяніямъ; Шмедингъ объясняетъ ихъ гораздо проще—и, какъ намъ кажется, гораздо вѣрнѣе—той внутренней работой, которую производитъ жизнь въ душѣ впечатлительнаго человѣка. Заимствованными извѣтъ убѣжденія В. Гюго были лишь до тѣхъ поръ, пока онъ не созрѣлъ умственно и нравственно; только въ молодости онъ слѣдовалъ сначала традиціямъ матери, потомъ традиціямъ отца. Съ тридцатыхъ годовъ онъ идетъ впередъ не скачками, а постепенно; каждой переимѣнѣ предшествуетъ медленная подготовка, направленіе которой обуславливается *событіями*, а не посторонними впушеніями. Республиканецъ и социалистомъ сдѣлалъ В. Гюго не Ламартинъ и не Пьеръ Леру, а римская экспедиція 1849 г., своекорыстный макиавеллизмъ принца-президента и реакціонныя увлеченія законодательнаго собранія.

О Шмедингѣ мы больше говорить не будемъ; его брошюра—скорѣе доброе дѣло, чѣмъ литературная заслуга. Онъ помогъ намъ доказать, что политическая струя въ поэзіи Гюго оцѣнена Фагэ слишкомъ низко—и это уже чего-нибудь да стоитъ со стороны нѣмецкаго писателя... Несмотря на одну крупную ошибку, изслѣдованіе Фагэ можетъ быть поставлено наряду съ лучшими критическими работами послѣдняго времени. Точка соприкосновенія Гюго съ классиками XVIII-го вѣка, особенно съ Корнелемъ, была указана уже Брандесомъ; Фагэ пришелъ къ тому же выводу другимъ путемъ, по всей вѣроятности совершенно независимо отъ своего предшественника. Онъ проникъ въ самую глубь психологическаго процесса, даваго жизнь лучшимъ произведеніямъ